

Охрана узнала Цао Сяна и, не слезая с коней, слегка поклонилась. Цао Сян взмахнул рукой, призывая их не тратить время на лишние формальности. Заметив в их взглядах настороженность, он поспешно добавил, что приехал из беспокойства за императора, желает лишь негласно следить за безопасностью Лю Че и просит их сохранить всё в тайне. Охранники, видя его вежливость и отсутствие подозрительных намерений, промолчали, позволив ему следовать за ними.

Цао Сян погнал коня, поравнявшись с каретой. Внутри царила тишина. Он напряг слух, пытаясь уловить хоть какой-то звук, но ничего не услышал.

Лю Че, положив голову на колени Вэй Цину, задремал. В полузабытьи он осознавал, что находится в карете, но во сне ему казалось, что он неспешно едет верхом. Дул теплый ветер, вокруг цвела весна, по обочинам порхали бабочки и гудели пчелы. Впереди тоже кто-то ехал, и Лю Че отставал. Спина юноши была прямой, черные волосы, спадающие на плечи, покачивались в такт лошадиному бегу.

— Вансунь! — позвал Лю Че во сне.

Юноша не обернулся, продолжая мерно двигаться вперед, и его черные волосы, словно живые, призывно развевались на ветру.

— Вансунь! — громче выкрикнул Лю Че, изо всех сил пришпоривая коня и протягивая руку, чтобы схватиться за него.

Наконец он дотянулся до его плеча. Лю Че обрадовался, намереваясь упрекнуть спутника за то, что тот не подождал его, но стоило ему развернуть юношу к себе...

Красные капли одна за другой застучали по рукам Лю Че, оставляя липкие следы. Откуда эта красная вода? Он озадаченно нахмурился, глядя на свои ладони, а затем поднял взгляд на юношу, готовый что-то сказать, но оцепенел.

— А-а-а! — из кареты донесся полный ужаса вопль.

Охранники снаружи мгновенно натянули поводья, обнажили оружие и в кратчайший срок окружили повозку. Цао Сян, находившийся ближе всех, первым бросился вперед и отдернул занавеску.

Внутри перепуганный Лю Че, закутанный в одеяло, сбился в кучу вместе с Вэй Цинем.

— Вансунь! Кровь! Кровь! Везде кровь!

Вэй Цин, указывая на пол, поспешил успокоить его: — Ваше Величество! Это каша! Смотрите, это же просто каша!

Там, куда он указывал, опрокинулся котелок, и густая каша растеклась лужицей. Лю Че рассеянно оглядывался, шаря руками по сторонам, словно что-то искал. Лишь молочно-белая каша, чистое одеяло и красивый, аккуратный юноша — никакой красной жидкости, никаких кровавых ошметков... вокруг все было чисто.

Лю Че бессильно опустил руки и поднял взгляд на обеспокоенные лица снаружи. Среди них он заметил Цао Сяна и на мгновение удивился, почему тот здесь, но сейчас у него не было сил размышлять. Он покачал головой, давая понять, что ничего не случилось, и взмахом руки велел всем отступить.

Цао Сян неохотно опустил занавеску и вместе с остальными отдалился, возобновляя движение.

Придерживая поводья, он задумчиво размышлял над увиденным: неужели это тот самый Вэй Цин? Пять лет разлуки, и из ребенка он превратился в юношу. Что же произошло в карете? Они, не стесняясь белого дня, обнимались! Об этом и раньше ходили слухи, но слышать одно, а видеть своими глазами — совсем другое. Лицо Цао Сяна невольно дернулось, и он задумался, не стоит ли ему промыть глаза.

Лю Че тем временем бережно держал лицо Вэй Цина, ощупывая его пальцами. Вскоре он замер, его руки слегка дрожали. Он был вынужден признать: как бы он ни проверял, юноша перед ним цел и невредим; как бы ни отрицал, разбитым был Вансунь; и как бы ни надеялся, ничего нельзя было изменить. Даже во сне перед его глазами, в его же руках, Вансунь продолжал рассыпаться на куски.

Лю Че вздохнул, обнял Вэй Цина и, медленно завалившись на бок, лег на него, уткнувшись лицом в его грудь.

— ...Ты помнишь? — хрипло спросил Лю Че. — Четыре года назад, когда я впервые был с тобой вот так, пришел Вансунь.

— Да. Я помню, — ответил Вэй Цин.

Пять лет назад принцесса Пинъян привезла во дворец его сестру и его самого, тогда еще ничего не понимающего мальчишку. Вэй Цин навсегда запомнил слова, сказанные Хань Янем императору: Он не такой, как я. У него есть будущее... он еще многое успеет сделать. Ты уже погубил меня, не губи его.

Господин Хань, я буду беречь свою жизнь, и еще больше буду беречь все то, что у меня есть...

Карета слегка покачивалась. Семнадцатилетний Вэй Цин вернулся из воспоминаний в реальность. Голос и облик остались, но люди были уже не те. Теперь Лю Че обнимал его, но больше не было того юноши в белых одеждах, который шел ему навстречу с мечом в руках.

А Лю Че, прильнув к груди Вэй Цина, полуприкрытыми глазами ждал того, кто уже никогда не появится.

Когда сгустились сумерки, они наконец достигли конечного пункта — захудалой горной гостиницы. Вэй Цин помог Лю Че выйти. Глядя на них, Цао Сян — хотя и не мог разглядеть лица Вэй Цина, лишь его тонкий профиль — вдруг понял, почему его матушка когда-то выбрала именно этих брата и сестру... Оглядев гостиницу, Цао Сян усмехнулся: Занятно, значит, они приехали сюда для тайных утех... Но если вы думаете, что все пройдет гладко, то глубоко заблуждаетесь.

Небо давно почернело, в гостинице не осталось ни огонька. Стража начала стучать в дверь так, что содрогнулись доски. Лю Че смотрел на это, и сердце его сжималось от горечи: в тот день было так же поздно, охрана так же грубо ломилась в дверь, а хозяин так же сонный вышел на порог...

Но сегодня хозяин, узнав их, пришел в крайнее замешательство, низко кланяясь и заискивая, пока вводил их внутрь. Лю Че с грустью вспоминал, как тогда охранники требовали лучшего вина и еды, а хозяин огрызался, что есть только моча. Тогда стражники разъярились, и дело чуть не дошло до драки, если бы не молодая красавица-хозяйка, которая сгладила конфликт...

Хозяйка? Кстати, где она сегодня? Лю Че огляделся по сторонам. Он помнил, как тогда засмотрелся на нее — действительно, красавица. В диких цветах есть особая прелесть, которой нет у домашних.

Пока он предавался раздумьям, хозяин громко позвал жену, приказывая нести рисовое вино. Вэй Цин облегченно выдохнул: похоже, Гунсунь Ао успел вовремя и договорился с супругами, иначе его ложь о заказе вина Хань Янем была бы раскрыта.

Хозяйка принесла вино. Она была все так же хороша, даже еще более статна. Лю Че помнил, как тогда пялился на нее, пока Вансунь тайком не ущипнул его за задницу... Больно! Он ведь ничего такого не делал, просто смотрел... Сегодня Лю Че вдруг снова почувствовал ту же ноющую боль.

Он приказал грузить вино в повозки, собираясь в путь. Раз вино, заказанное Вансунем, получено, надо скорее возвращаться — Вансунь ждет его во дворце...

— Ваше Величество, — подошел Цао Сян, — раз уж мы здесь, почему бы не осмотреться? Господин Хань заказывал это вино, проделав такой долгий путь, он явно не мог вернуться в тот же день и где-то ночевал. Неужели в такой глуши есть отдельные покои? Где останавливался господин Хань?

Лю Че замер. В прошлый раз здесь не было отдельных комнат, только общие спальни. Хозяйка тогда уступила им свою спальню, а сама с мужем ушла в каморку для дров. Охранники спали в общих покоях, а он с Вансунем — в комнате хозяев. Но где же спал Вансунь, когда приезжал один?

Заметив перемену в лице императора, Вэй Цин быстро подмигнул хозяину. Тот оказался смекалистым и тут же ответил: — Все по-прежнему, как и в прошлый раз. Мы с женой ночевали в сарае, а господин Хань спал в нашей спальне.

Лю Че успокоился и направился к спальне хозяев. Вэй Цин, понимая его состояние, поддерживал его под локоть. Оказавшись внутри, Лю Че окинул комнату взглядом. Цао Сян, наблюдая за ним, спросил: — Ваше Величество, здесь что-то изменилось с прошлого раза?

Лю Че покачал головой и прошелся по комнате. Цао Сян тут же обратился к хозяину: — Мы останемся здесь, уступите нам это место.

Хозяин закивал и поспешил освободить покои, а сам с женой отправился в сарай, тогда как охранники — включая Цао Сяна и Вэй Цина — устроились в общей спальне.

Семнадцатилетний маркиз Пинъян Цао Сян был сыном принцессы Пинъян и племянником Лю Че. Среди сопровождающих он был вторым по статусу после императора. Слегка перекусив, Цао Сян расположился в общей комнате, где хозяин подал ему горячей воды для мытья.

— Я обойдусь, — сказал Цао Сян. — Сначала иди к императору.

— Господин, не беспокойтесь, Его Величество обслуживает моя жена, — ответил хозяин.

Цао Сян тихо хмыкнул, про себя отметив: Шныряет ловко, умеет выгадать момент.

Хозяин вышел. Посидев немного, Цао Сян увидел, как вошли несколько охранников, поклонились ему и молча легли спать. Он удивился их дерзости. Цао Сян прикинул: с императором прибыло тридцать шесть человек, в гостиницу вошло восемнадцать, а сейчас спать легло всего девять. Где остальные? Ответ был очевиден. Все шло по заведенному порядку, без лишних слов, что говорило о великолепной выучке и слаженности. Спрашивать о графике смен было бы только лишний раз проявлять подозрительность.

Цао Сян подумал: Вэй Цину повезло, в таком юном возрасте заполучить в подчинение таких элитных стражников. Но где же сам Вэй Цин? Если Лю Че прислуживает хозяйка, где он? Цао Сян полежал с открытыми глазами, не выдержал и встал. В темноте он двигался медленно, давая глазам привыкнуть.

Направляясь в зал, он увидел два силуэта. Цао Сян хотел подойти ближе, чтобы разглядеть их, но чья-то рука преградила ему путь.

— Это глушь. Если маркиз Пинъян желает прогуляться, пусть берет с собой охрану.

Цао Сян узнал Вэй Цина. Тот дежурил в тени угла.

Цао Сян усмехнулся: — Сменил постель, и сон пропал. Господин Вэй, не составите ли мне компанию, чтобы полюбоваться луной?

Его голос звучал подчеркнуто жестко и насмешливо. В конце концов, называть своего бывшего слугу господином было не самым приятным занятием.

В темноте Цао Сян не видел лица Вэй Цина, но услышал согласие. Тот вежливо пропустил его вперед, следуя за ним. Цао Сян заметил, что, как только Вэй Цин покинул свой пост, его тут же сменил другой человек.

Луна, чуть больше половины, светила неярко. Дул прохладный горный ветер. Цао Сян оглядывался, зная, что вокруг гостиницы расставлено восемнадцать человек, но не чувствовал их присутствия. Он обернулся на Вэй Цина, чей силуэт отчетливо вырисовывался в лунном свете.

Лицо юноши было скрыто в полутени, и по нему невозможно было прочесть мысли.

— Ваши восемнадцать человек впечатляют, — Цао Сян небрежно указал рукой в сторону. — Так искусно скрыть свое присутствие! Если бы я не знал заранее, ни за что бы их не заметил.

— Маркиз Пинъян хорошо помнит, — ответил Вэй Цин. — Я искренне восхищаюсь вашей заботой об императоре.

Цао Сян замер. Он ожидал, что Вэй Цин воспользуется случаем, чтобы расхвалить своих людей. Если бы это сказал кто-то другой, он бы заподозрил подвох.

— Ты — Начальник Цзяньчжан, все они твои подчиненные, верно? Не ожидал, что в таком юном возрасте ты сможешь обучить столь искусную охрану.

— Воины армии Цимэнь отобраны лично императором, конечно, все они — элита, — ответил Вэй Цин.

Ответ казался и содержательным, и пустым одновременно. Ловкий маневр, возвышающий Лю Че. Цао Сян прищурился: похоже, фаворитизм Вэй Цина держится не только на его лице, теле или сестре Вэй Цзыфу.

Цао Сян улыбнулся и внезапно сделал выпад, целясь в сустав плеча Вэй Цина. Тот вздрогнул, но успел увернуться. Цао Сян продолжал теснить его, но без злобы, каждый прием был выверенным и остановленным в миллиметре от цели.

Он покачал головой, проворчав: — Эх, ты даже не можешь позволить мне тебя поймать? Ты меня совсем не уважаешь.

Вэй Цин заколебался, его движения на мгновение замерли, и Цао Сян тут же схватил его за плечо. Улыбнувшись, он прижал юношу к стволу дерева.

Лунный свет упал на лицо Вэй Цина, отражая легкое замешательство.

— Ты послушный, но послушание не всегда идет на пользу, — Цао Сян нахально ущипнул его за бок и, наклонившись к самому уху, прошептал: — Скажи, ты хочешь, чтобы я отпустил тебя, или позволишь мне делать с тобой все, что вздумается?

Раньше он был слугой его дома, а теперь — игрушкой Лю Че. Если Лю Че может играть, почему не может он, Цао Сян? Жаль только, когда Вэй Цин был в усадьбе маркиза, он был слишком мал и ни о чем не думал, иначе разве позволил бы матери отослать его обратно к отцу?

Хотя ходят слухи, что мать Вэй Цина и Вэй Цзыфу на самом деле была наложницей его отца. Получается, они с ним — единокровные братья? А Вэй Цзыфу — сестра? Значит, она племянница императора? Дядя берет в наложницы свою племянницу и заводит с ней ребенка... Тьфу! Что за бред в голову лезет! Не может быть!

Пока Цао Сян предавался нелепым мыслям, Вэй Цин смотрел на него широко открытыми глазами. Цао Сян почувствовал себя так, будто дразнит огромного, спокойного кота, а тот лишь невинно хлопает ресницами.

Внезапно Вэй Цин ткнул пальцами в чувствительное место под мышкой и на боку. Цао Сян взвизгнул, согнувшись пополам. Воспользовавшись моментом, Вэй Цин отступил и встал на одно колено.

— Прошу прощения, я победил нечестным приемом, — склонив голову, произнес он.

Цао Сян, держась за живот, тяжело дышал. Мерзавец! Попался на удочку, решив, что это просто спарринг. Этот слуга... гораздо интереснее, чем казался.

Наконец отдышавшись, Цао Сян хотел что-то сказать, но вдруг раздалось кукование кукушки — резкое и неуместное в тишине ночи. Вэй Цин тут же поднялся и бросил: — Прошу маркиза оставаться здесь, — после чего помчался к гостинице.

Цао Сян проводил его взглядом и поднял глаза к небу. Он ничего не замечал, но любой здравомыслящий человек знал: кукушки в такое время не поют. А раз Вэй Цин так сорвался, значит, это сигнал охраны! В гостинице что-то случилось!

Что означал сигнал? Что там произошло? Цао Сян побежал следом.

Вэй Цин влетел в гостиницу и, выслушав охранника, бросился во внутренний двор. Заглянув

туда, он замер. Ситуация была... мягко говоря, затруднительной.

Цао Сян, преследовавший его, тоже заглянул во двор и не удержался от улыбки: до чего потешно! Такое увидишь раз в тысячу лет! В сложившейся обстановке любое появление было неловким, а в худшем случае — за такое Лю Че мог и голову отрубить. Неудивительно, что стражники не вышли сами, а позвали Вэй Цина. Как жаль, что нельзя зарисовать эту сцену! Ха-ха-ха!

В ночном дворе в заборе зияла дыра, через которую обычно пролезали собаки. Сейчас в этой дыре застрял человек. Половина тела находилась внутри двора, половина снаружи — он то ли застрял, то ли просто лежал, не двигаясь. По одежде было ясно — это Лю Че.

Цао Сян едва сдерживал хохот, а Вэй Цин, казалось, принял решение. Он подошел к Лю Че и, осторожно присев, принялся изучать место, где тело императора плотно застряло в проломе. Цао Сян ожидал, что Вэй Цин обойдет стену и начнет уговаривать Лю Че выбираться вместе, но все пошло иначе. Вэй Цин поднялся, глубоко вздохнул... и на глазах у ошоломленного Цао Сяна с размаху пнул Лю Че по заднице!

Лю Че издал глухой стон, а Вэй Цин, словно одного раза было мало, пнул его еще раз.

Цао Сян бросился к ним, но было поздно — второй удар пришелся точно в цель.

— А! Кто это?! — взревел Лю Че.

Цао Сян зажал Вэй Цину рот и потащил его прочь, скрывшись в здании. В это время Лю Че отчаянно извивался, пытаясь выбраться из ловушки. Вэй Цин в руках Цао Сяна дергался, но тот шептал: — Тише! Я делаю это ради тебя! Если Лю Че поймет, что это ты его пнул — тебе конец.

После яростных усилий Лю Че наконец вырвался из дыры. Он стоял посреди двора, весь в грязи и соломе, озираясь по сторонам.

Никого.

— ...Вансунь? Это ты? Вансунь? — прошептал он, а затем закричал: — Если ты здесь, покажись! Кто еще, кроме Вансуня, мог пнуть меня по заднице?

Но вокруг стояла тишина. Лишь ночной ветер и стрекот насекомых. Цао Сян, наблюдая за этим, подумал: Верно, это был призрак Хань Яня, никто другой!

Помолчав, Лю Че поспешно направился к комнатам. Цао Сян с Вэй Цинем попятились и, лишь оказавшись в общей спальне, отпустили друг друга. Из зала донесся голос Лю Че: — Ко мне!

Охранники проснулись и, приподнявшись на постелях, настороженно прислушались к происходящему.

<http://bllate.org/book/21150/2144300>